

Ещё не весь мир стал хосписом, много, где умирать и жить очень тяжело и больно. Паллиативная парадигма накрывает не за один миг. Но она господствует, господствует через господство Запада. В самых общих чертах это видно по тому, как комфорт и потребление стали главной ценностью, адресованной к массам в мире.

Для того, чтобы лучше понять ситуацию, приходится смотреть западные каналы и фильмы. Недавно наткнулся на ТВ на 2 примечательные вещи. В передаче про животных рассказывали о собаке без передних лап. Про то, какая собака добрая, какая весёлая, как всех любит и как все её любят. Калечной псинке даже сделали тележку, чтобы можно было ездить, а не убого скакать. У собаки есть ещё подруга — курица с лишними пальцами на ногах. Хозяйка приносила их на работу, где все ими восхищались. Посыл был такой, что животные не чувствуют себя неполноценными, и что всё нормально и здорово. Даже что-то про их индивидуальность и неповторимость было. И это на фоне того, что в ЕС не смогли запретить пестицид, приводящий к врождённым уродствам, в частности к отсутствию конечностей (оказалось, что про уродливых собак — это целый цикл передач, в придачу есть ещё программа про карликов).

В общем, живи, рожай уродов, будь счастлив, потому, что наша западная цивилизация удовлетворит и их потребности.

Показывали и рекламу. Рекламу автомобилей. Мужчина едет, он выглядит здоровым и холёным, вдруг машина сама останавливается. Перед авто в неполюженном месте переходит дорогу мальчик с печатью умственной отсталости на лице («особыми потребностями?»), водитель довольно улыбается. То ли он доволен, что не попал на бабки, то ли, что мальчик больной, не ясно. «Вольцваген дас ауто», — заканчивает закадровой голос.

Фильм «Прибытие» (2016 г.) вторит паллиативности. Не вдаваясь в сюжет, скажу, что у главной героини родилась больная дочь, обречённая на раннюю смерть. Женщина живёт всё время с предчувствием этого. По сценарию она знает наперёд, что будет. Она имеет возможность найти другого мужчину, прибегнуть к ЭКО, но она не делает этого,

обрекая ребёнка на гибель. А всё почему? Потому что не нужно стремиться к здоровью или думать о нём, нужно думать о том, чтобы быть счастливым здесь и сейчас.

Запад имеет достаточно денег, чтобы замазывать проблемы. Чтобы сделать все дороги пригодными для инвалидных колясок, чтобы выдать собак-поводырей слепым, чтобы водить к психологам и пичкать антидепрессантами людей лишённых смысла в жизни, чтобы кормить бомжей, чтобы закрыть глаза на старение населения и вымирание.

Запад поддерживает уродства (во всех смыслах), облегчает их существование, не стремится искать корни возникновения. Этим он их культивирует и подрывает основы биологического и социального существования человечества.

Смысл такой политики старых империалистов в том, чтобы признать отклонения вариантом нормы, приспособить общество под них, оказать какую-то дополнительную помощь. Наркоманам дать бесплатную дозу (чтобы они не воровали), а кое-где и вообще легализовать лёгкие наркотики; инвалидам дать коляски и сделать удобной городскую среду, а самих инвалидов переименовать в «людей с ограниченными возможностями», потом в «людей с особыми потребностями»; людей с психическими заболеваниями разной степени серьёзности назвать людьми с ментальными проблемами, а потом и вообще нейроразнообразными — дать им психолога, который не устранил их проблемы, но сделает течение болезни плавным и хроническим; для людей с ожирением есть бодипозитив; для безвольных — антидостигаторство; для больных СПИДом — статус ВИЧ положительных (звучит так, как будто ВИЧ — что-то положительное).

И вроде бы, весьма гуманная практика, реально облегчающая жизнь и моральное состояние всех этих граждан. Но в чём же проблема?

Проблема в том, что, обеспечивая комфорт для этих людей, такая политика делает болезнь вариантом нормы. Снимает психологический барьер для обывателя на попадание в эти категории. Что же плохого в том, чтобы стать ВИЧ положительным? Неужели нужно отказываться от сексуального разнообразия, чтобы не попасть в такую привлекательную по названию группу?

Не так уж страшно быть человеком «с ментальными проблемами», а тем более,

«нейроразнообразным», так почему же нужно продолжать себя сдерживать? Одни люди говорят с невидимым собеседником и машут руками от того, что у них серьёзная болезнь, другие же от того, что им вовремя не пояснили, что нужно держать себя в рамках и вести себя нормально. Только вот, в случае, если психическая болезнь уже признана нормальной, что же может быть ненормального в том, чтобы здоровый человек махал руками и сам с собой говорил, идя, скажем, в магазин?

Зачем заставлять себя работать над телом, душой, социальным положением, если всё это – достижительство и социальный конструкт, морально обесценивающий человека?

И планка нормального, успешного, если не хотите «успешного», то достойного человека, опускается всё ниже и ниже.

Несколько дней назад в свет вышла статья Марлена Инсарова «Даёшь эйблизм». Статья на смежную тему. Она рассказывает о том, как левое движение поражается идеологией толерантности ко всякого рода деградации и разложению.

Статью встретили как приветственно, так и враждебно.

В частности, одним из аргументов противников идей Инсарова была попытка играть на грани между реальной болезнью и вызывающим, непотребным поведением. Мол, конечно, дураков хватает, распоясавшихся людей хватает, но зачем же обижать реально больных?

Нужно сказать, что Инсаров как раз не призывает игнорировать проблемы больных, наоборот, он призывает их лечить и создать условия для определённой социальной адаптации. В тоже время, он действительно призывает снизить уровень толерантности, прекратить игры в смену слов.

И в целом его подход - верный. Что же касается больных, которым признание наличия заболевания создаст не столь хороший психологический фон для адаптации, скажу, что интеграция больных в общество — важна, но поддержание морального здоровья

общества — важнее! Лучше пусть физически и психически больные живут с осознанием своей проблемности, чем все остальные лица будут пребывать с иллюзиями, что жизнь без ноги или с испорченной печенью — вариант нормы, или, что неадекватное поведение — проявление их разнообразия. Лучше человек с психическим расстройством лишней раз осознает, что его положение тяжелее, чем у других, что его человеческое качество хуже, но зато человек с пограничным состоянием или распушенный индивид удержат себя в рамках, чтобы не подвергнуться осуждению.

Итак, нормализация болезни = легализация девиантного поведения.

Были слышны и софистические утверждения, что мол, конечно, однурукость — не норма, но, вот, однурукого человека ненормальным называть - неправильно. По-моему, такие утверждения - верх гуманистического пустословия. Однорукий человек, если он ещё не полностью отравлен либеральной идеологией, итак понимает, что он и его состояние (что, впрочем, одно и то же) — ненормальны. Вообще, самая суть социал-либерального отношения к личности именно в том, чтобы оторвать личность от всех её проявлений, дефиниций, качеств. Человек может быть глупым, лживым, слабым, злым, неразвитым, но ты обязан всё равно уважать саму личность, как бы отделив её от отрицательных качеств этой личности. На деле же личность — это и есть совокупность личностных качеств. Поэтому ненормальность однурукости — это то же самое, что ненормальность однуруких. И сами однурукие, конечно, понимают свою ненормальность, просто, банально потому, что жить им сложнее: у всех - две руки, у них — одна.

Но это вовсе не значит, что можно презирать их за физическое состояние.

Например, в школе, где работала моя бабушка, директором был однурукый ветеран. Все понимали, что его однурукость — ненормальна, что с физической точки зрения, он неполноценен, с недоверием смотрели, как он застёгивает пиджак, помогая себе зубами. Только при этом они добросовестно выполняли его распоряжения, уважали его организаторский талант, стойкость и чувство юмора.

В целом, на мой взгляд, в Советском Союзе отношение к болезням было довольно сбалансированным.

С одной стороны, висели плакаты, что сунешь руку в станок — будет одноруким; будешь переходить пути ж/д в неполюженном месте — станешь одноногим; выпьешь метиловый спирт — превратишься в одноглазого слепого. И каждый понимал, что в целом участь пожизненно тяжелобольного незавидная, что нужно стремиться сохранить здоровье, что есть явная граница.

С другой же стороны, существовала система интеграции инвалидов в общество. Были созданы общества различных типов инвалидов, построены дома слепых, глухих, интернаты и т. д. Были разработаны специальные программы по социализации и обучению даже слепоглухонемых. Существовали крупные предприятия, приспособленные для работы неполноценных людей. Оборудование, устройство рабочего места проектировалось так, чтобы слепые, глухие, умственно отстаые, люди без конечностей могли трудиться, принося пользу обществу, и через это эмансипируясь. Сейчас же, многие из спец.учреждений закрыты, многие предприятия разрушены...

А ведь именно возможность трудиться в обществе, а не характер словесного обозначения проблемы здоровья, в первую очередь определяют положение калек.

Некоторые не понимают, что такое моральный запрет на ущербность и убогость. Ответ очень простой. Если в обществе калек и людей с психическими заболеваниями признают проявлением разнообразия, то моральный запрет снят. Тогда можно не бояться подорвать психическое здоровье перенапряжением, наркотиками, распушенностью. Тогда можно творить, что угодно, и не сдерживаться, ожидая, что общество примет тебя и таким. Тогда можно даже не очень бояться стать калеккой. Например, перестать следить за своим здоровьем, ожиреть. Ведь никто же не имеет права осудить тебя за твоё особое здоровье?

Интересно, что указание на неприятие фриков и психов в трудовой среде задело некоторых социалистов. Некоторые даже усмотрели в этом потворство капитализму, который ценит лишь приносящих прибыль. Другие начали утверждать, что, де, это может быть и реакционной чертой масс, и нельзя бездумно это поддерживать.

Хорошо, что, в целом, эти люди признают, что такая мораль среди трудящихся пока что господствует. Плохо, что они пытаются релятивизировать, обесценить важность этой морали.

Трудовая мораль в отношении неполноценных возникает вовсе не потому, что капиталу нужны здоровые люди. Капиталу нужны всякие, например, чтобы сбывать лекарства, психологические услуги, ослабить болезнями трудящиеся классы. Такая мораль возникает потому, что всякий ответственный процесс, всякое серьёзное взаимодействие требуют взаимной надёжности. Это было, есть и будет до тех пор, пока целенаправленная коллективная деятельность господствует как тип поведения.

Нельзя загонять оленей, охотиться на мамонтов, не будучи уверенным, что твои соплеменники будут действовать адекватно. Нельзя строить вместе оросительный канал, если кто-то вместо его углубления будет его зарывать. Нельзя строить дом, если ты не уверен в том, что тебе подадут именно тот кирпич, что правильно замешают раствор. Нельзя лезть в канализационный колодец, если ты не знаешь, примет ли меры твой напарник в случае ч.п. И т. д. Более того, нельзя заниматься наукой и проектированием, если ты не уверен в том, что твой коллега делает это адекватно и добросовестно.

Конечно, причин дискommunikации во время труда может быть масса — это и низкая трудовая культура, и низкая квалификация, и безалаберность, но и психические расстройства, поведенческие расстройства, никто не отменял.

Тем товарищам, что имеют проблемы с психикой и обижаются на выражения Инсарова, следует осознать, что под «ебанашками» понимаются скорее не те, кто болен, а те, кто свои болезни и извращения (во всех смыслах слова) суют на показ и требуют их за это любить и уважать.

«Ебанашка» — не тот, кто болен, но в рамках возможного трудится и видит свои проблемы, старается минимизировать неудобства и вред для окружающих от своих расстройств. «Еебанашка» — тот, кто суёт свои расстройства окружающим в нос, и хочет видеть их радость и удовлетворение.

Инсаров, приводя положительные примеры судеб больных, в основном, указывал на геройские судьбы. Судьбы физических калек военных, революционеров и деятелей культуры.

И эта односторонность - следствие преклонения Инсарова перед культом геройства, каких-то народнических тенденций и недостаточного внимания к трудящимся. А между тем, миллионы и миллионы советских, а теперь и российских трудящихся находят возможность жить и трудиться с инвалидностью. В 2017-м году в РФ работало около 2 млн. инвалидов, что составляет примерно 17% от общего числа инвалидов (12 млн.). Много это или мало? Каждый пятый – конечно мало, но если сравнивать с единицами инвалидов-героев, то это огромное число! Учитывая, сколько специализированных предприятий было попилено в «новой России», можно прийти к выводу, что в СССР было организовано куда лучше трудоустройство инвалидов. Их судьбы не так ярки, но умение знать свои ограничения и быть полезным для общества, возможно, не менее важно, чем поставить на кон свою покалеченную жизнь и стать героем. Кроме того, можно привести и примеры политических деятелей с психическими проблемами. Так, например, Абрахам Линкольн страдал депрессиями, принимал препараты с ртутью, из-за чего на него находили вспышки гнева. Это не считая многих писателей, которые страдали различными проблемами с психикой.

В общем, возвращаясь к основной теме эссе, нужно сказать: для здоровья общества необходимо, видеть границу между нормой и ненормой, между здоровьем и болезнью, в противном случае, индивиды не будут мотивированы поддерживать здоровье (если они не будут знать, где оно), а коммуникации будут осложнены или вовсе разрушены, ввиду разного представления о нормальности в разных средах.

Однако либеральная идеология и индивидуализм не позволяют увидеть обществу проблемы. Как можно посчитать число инвалидов, когда никаких инвалидов нет, а есть люди с особыми потребностями? Как сосчитать число умственно отсталых, если их нет, а есть люди с особенностями ментального развития? И даже если под каким-то названием статистика учитывает этих людей, то как в массовом сознании возникнет тревога на этот счёт, если ты не можешь обсуждать других, задавать «обесценивающие» вопросы? Как ты будешь переживать из-за большого числа уродов, если «все мы разные, все мы равные», или даже «кто ты такой, чтобы лезть в чужую жизнь»? Жизнь каждого человека уникальна и равноценна, и собственно индивид — высшая ценность, так что даже не думай об отклонениях других. Это - вовсе не отклонения, а вариант нормы, или на худой конец, не касающиеся тебя отличия.

Такая идеология, при наличии средств (полученных, прежде всего от ограбления угнетённых народов), позволяет сделать глубинные проблемы невидимыми. Позволить обществу умирать и вырождаться с комфортом.

Что есть по сути «комфорт»? Это состояние, когда тело и сознание не раздражены какими-то внешними или внутренними факторами. Не раздражены и пребывают в удовлетворенности физиологических потребностей. Капитализм вполне научился обеспечивать человеку комфорт по умеренной цене. Для этого придумана масса суррогатов.

Суррогатизация – довольно давняя политика буржуазии. Она победила голод, дав маргарин, пальмовое масло и сою вместо масла, сыра и мяса. Стремление к красивой жизни она притупила красивой картинкой на ТВ. Порнография сгладила проблемы нехватки секса (сгладила и обострила одновременно). Люди оделись в дешёвый и некачественный кожзам и синтетику.

Всё это шаги к стагнации, когда действительная жизнь подменяется имитацией, а раздражители, могущие побудить человека к переменам и действительной жизни, прячутся, замазываются слоем дурмана.

Верхом этого искусства, конечно, становится «паллиативная медицина», которая призвана обмануть как органы чувств, так и общественное мнение. Но она не просто верх, она и качественно новое явление. Суррогатизация была политикой поддержания жизни, пусть убогой, наполовину ложной, но жизни. Паллиативность же ориентация на спокойную и комфортную смерть. Суррогатизация ложно удовлетворяет потребности, паллиативность ложно устраняет проблемы, страдания, разложение и гниение общества.

Причём, следует говорить о паллиативности, как об идеологии либерализма и социал-либерализма. Эта идеология, возводя на пьедестал нестрадание отдельной личности, напрочь забывает о необходимости существования общности и даже самой этой личности!

При всём уважении к Украине, это мировоззрение проникло и туда. Где-то полгода назад все новостные сайты трубили о перспективах и достижениях в области детской паллиативной медицины. Но, что это такое? Это развитие учреждений, где дети должны умирать менее болезненно (а в идеале безболезненно, со смайликом на лице)! Т.е. вводятся семейные доктора, число специалистов сокращается, отделения сокращаются, но зато хосписы открываются!

Как здорово!? Вы не находите? Вместо того, чтобы потратить эти деньги на лечение, на разработку методов лечения и спасение хотя бы нескольких сотен детей, их направят на то, чтобы сыновья и дочери умирали спокойней.

По сути, Запад именно этим и занимается для своего населения. Он обеспечивает условия для спокойного вырождения и вымирания. Вместо морали верности и чистоты – «защищённый секс». А секс без отчуждающей резинки – это уже «незащищённый», «небезопасный секс». Конечно, он не безопасен для правящих классов, поскольку требует такого уровня солидарности, когда люди готовы к совместной судьбе и готовы быть общностью, а не простой суммой индивидов. Но господствующим силам удобно наблюдать вырождение.

Почему? Почему такова политика правящих классов и смыкающихся с ними в этом как леваков, так и либералов? С одной стороны, не все процессы подвластны и интересны правящим классам. Абстрактный гуманизм и идея одинаковости продолжают проторять себе дорогу как длительное последствие Великой Французской Революции (когда в условиях восходящего капитализма, они были прогрессивны). Леваки сейчас, в условиях упадка и загнивания капитализма, стали носителями этого абстрактного гуманизма, и с 68 года абстрактный гуманизм конституировался как левый мейнстрим. Также и само общество, всё более фрагментируемое, ввиду атомизации и сокращения материального производства, релятивизирует мораль и, как следствие, требует признать всё вариантом нормы. Бороться с этими тенденциями для буржуазии было бы возможно, но слишком затратно. С другой стороны, не так эти тенденции для империалистической буржуазии и страшны.

Общество, лишённое представлений о норме, куда более податливо и конформно. Сегодня ты подаёшь одну моду и одну интерпретацию, а завтра тебе это стало неудобно, и подаёшь другую, а поскольку нормы нет, и постмодернистское сознание плохо запоминает, то новая мода легко принимается.

Фрагментированное общество с разными моральными нормами куда безопаснее, в рамках такого общества сложно построить идеологию, претендующую на гегемонию, универсальной идеологией могут быть только деньги.

Физически больное общество больше зависимо от социальных программ, господдержки и обеспечения.

Ну, и наконец, в здоровом обществе функция размножения также должна реализовываться активнее. А размножение не очень удобно в империалистических странах. Поскольку там существует в значительной мере социальное государство, нужно вложить большие средства в воспитание и взросление, тогда как куда дешевле «найти рабочую силу на рынке», мировом рынке. Дешевле пустить беженцев из относительно культурных, но эксплуатируемых, бедных, разбитых войной стран, чем пестовать лет 25 своих зажавшихся оболтусов. Кроме того, дети потребляют, прежде всего, продукцию, не являющуюся основной для старых империалистов. Детям нужно питание, одежда, жильё. Всё это производят и новые империалисты и угнетённые нации. А старым империалистам нужно поддерживать внутренний рынок для потребления своих высокотехнологичных игрушек, чтобы держать на плаву свои корпорации. Поэтому куда выгоднее, чтобы семьи тратили бабки на смену айфонов и машин, нежели на воспитание детей, а рабочую силу можно и завести. Поэтому, собственно, здоровые как физически так и психически люди, в общем-то, не очень-то и нужны правящим классам.

А раз нет нужды в размножении, то и положительное отношения к миллиону гендеров на фоне общих процессов и тенденций выглядит как детская шалость. Ну, раз вот есть люди, которые себя считают тем-то и тем-то, значит, будем их тоже любить, уважать и не обижать. А то, что это подрывает положительный стереотип об отношениях между мужчиной и женщиной, ведёт к дальнейшему размыванию системы воспроизводства — на это плевать.

По сути, Запад — это мир победившего оппортунизма. И уже даже не оппортунизма, а буржуазного социализма, но начиналось всё с оппортунизма. Начиналось всё с того, чтобы предать интересы будущего развития, ради сегодняшних выгод. Шло оттуда, что лучше сегодня спокойно сидеть в парламенте, чем идти на улицу, в тюрьму, чтобы завтра (а будет оно?) взять власть. Возникло это, конечно, не просто так, а потому, что часть трудящихся получала свой процент от положения старых империалистов. И вот, тут всякие потрясения, а скажите, после революции я смогу взять в кредит автомобиль, дом, айфон? Не знаете? Ну, так, а что же зовёте?

Эта выродившаяся обуржуазившаяся социал-демократия, а в США демократия и либерализм предлагают людям жить-поживать и о будущем не переживать, потому что кривая капиталистического развития куда-нибудь, да вывезет. А пока будем замазывать трещины общественного здания деньгами от эксплуатации других народов, аки штукатуркой.

Кстати, говорят, очень хорошо делать побольше прививок. Тогда зараза не пристаёт (Или меньше пристаёт? Или пристаёт также, ведь надо не привитых детей не пускать в школу, чтобы привитых там не заразить? Читай об Одессе - <https://www.obozrevatel.com/health/diseases/v-odesse-detyam-zapretili-poseschat-shkolyi-bez-privivok.htm>). В общем, прививки – это хорошо, так сказал врач и попросил подписать документ, что вся ответственность за последствия на тебе, а не на нём.

Прививки — дешёвый способ уменьшить опасность возникновения эпидемий. Каковы его побочные эффекты? В редких острых случаях, которые только и интересуют министерства и производителей — паралич, аутизм, глухота, слепота и т. д. Но это — в редких случаях, «один на миллион»! А вот как влияют прививки на массового потребителя? Это не интересно. Зачем знать, как сказывается на развитии организма постоянное перебалливание в первые годы жизни, когда все системы только формируются. Зачем знать, как развивается организм, думающий, что он переболел всеми тяжелейшими болезнями и чудом выжил? Зачем знать, как влияют в долгосрочной перспективе консерванты из нейротоксинов, материалы, усиливающие иммунный ответ, и, например, сам иммунный ответ, скажем, энцефалический. Совсем не нужно изучать связь прививок и рост числа аутоиммунных заболеваний.

Прививки — простое дешёвое решение на один день, которое ведёт неизвестно к чему (есть основания полагать, что к чему-то не очень хорошему). И никому не нужно знать и думать не нужно, как скажется на перспективах. Это тоже проявление паллиативной идеологии, сегодня мы защитимся от эпидемий, а завтра, что будет завтра — не так уж и важно.

Политический оппортунизм, он тоже как паллиативность... вместо работы на революционную борьбу завтра, лучше мы пойдём сегодня по более лёгкому, более простому пути.

И хотя мы, коммунисты, безусловно, боремся с отчуждением, стремимся к его преодолению, но в современных условиях без него невозможно построить общество, с какой-то обнадеживающей будущностью.

Комфорт и покой — это не то, что ведёт к новому обществу. Не тихая и мирная смерть, а буйная жизнь, полная противоречий, дискомфорта, горя и радости, боли и удовольствий — путь вперёд.

Нужно страдать сегодня, чтобы завтра увидеть лучший мир. Нужно пожертвовать покоем, комфортом, чтобы материя продолжала самосовершенствование.

Нужно идти на конфронтацию и из парламента на улицу, чтобы завтра из улицы ворваться в парламент и здания правительства.

Нужно сегодня запретить мутагенные технологии (трудиться тяжелее), чтобы завтра иметь здоровых детей. Нужно сегодня осуждать извращения, чтобы завтра иметь расширенное воспроизводство.

Нужно умирать, страдая, чтобы у живых было больше шансов. Нужно жить с осознанием своих заболеваний, чтобы другие видели, где здоровье, а где болезнь.

Нужно сегодня лезть в чужую жизнь, давать лезть в твою, даже если это неприятно и болезненно, чтобы общество завтра могло хотя бы увидеть проблемы.

Нужно сейчас выступить против леволиберальной идеологии хосписа, которая обещает лёгкую и спокойную жизнь для индивида в обмен на распыление общества. Да, другие — это, зачастую, ад, да, больно, когда общество признаёт тебя в каком-то отношении ненормальным и требует либо исправления, либо самоконтроля, тяжело видеть, как страдают от этого люди, но только так общество может поддерживать здоровье культуры и здоровье крови. Всё остальное, все остальные пути примирения и сожительства со слабостями — это пути паллиативной медицины, когда детям колют обезболивающие и дают красивые картинки, а те медленно умирают.

Нам не нужно обезболивающее и картинки, нам нужно чувствовать и видеть жизнь такой, как она есть, чтобы иметь хотя бы шанс что-то поменять!

Для того, чтобы лучше понять ситуацию, приходится смотреть западные каналы и фильмы. Недавно наткнулся на ТВ на 2 примечательные вещи. В передаче про животных рассказывали о собаке без передних лап. Про то, какая собака добрая, какая весёлая, как всех любит и как все её любят. Калечной псинке даже сделали тележку, чтобы можно было ездить, а не убого скакать. У собаки есть ещё подруга — курица с лишними пальцами на ногах. Хозяйка приносила их на работу, где все ими восхищались. Посыл был такой, что животные не чувствуют себя неполноценными, и что всё нормально и здорово. Даже что-то про их индивидуальность и неповторимость было. И это на фоне того, что в ЕС не смогли запретить пестицид, приводящий к врождённым уродствам, в частности к отсутствию конечностей (оказалось, что про уродливых собак — это целый цикл передач, в придачу есть ещё **АААААА** программа про карликов).**АААААА**

В общем, живи, рожай уродов, будь счастлив, потому, что наша западная цивилизация удовлетворит и их потребности.

Показывали и рекламу. Рекламу автомобилей. Мужчина едет, он выглядит здоровым и холёным, вдруг машина сама останавливается. Перед авто в неполюженном месте переходит дорогу мальчик с печатью умственной отсталости на лице («особыми потребностями?»), водитель довольно улыбается. То ли он доволен, что не попал на бабки, то ли, что мальчик больной, не ясно. «Вольцваген дас ауто», — заканчивает закадровой голос.

Фильм «Прибытие» (2016 г.) вторит паллиативности. Не вдаваясь в сюжет, скажу, что у главной героини родилась больная дочь, обречённая на раннюю смерть. Женщина живёт всё время с предчувствием этого. По сценарию она знает наперёд, что будет. Она имеет возможность найти другого мужчину, прибегнуть к ЭКО, но она не делает этого, обрекая ребёнка на гибель. А всё почему? Потому что не нужно стремиться к здоровью или думать о нём, нужно думать о том, чтобы быть счастливым здесь и сейчас.

Запад имеет достаточно денег, чтобы замазывать проблемы. Чтобы сделать все дороги пригодными для инвалидных колясок, чтобы выдать собак-поводырей слепым, чтобы водить к психологам и пичкать антидепрессантами людей лишённых смысла в жизни, чтобы кормить бомжей, чтобы закрыть глаза на старение населения и вымирание. Запад поддерживает уродства (во всех смыслах), облегчает их существование, не стремится искать корни возникновения. Этим он их культивирует и подрывает основы биологического и социального существования человечества.**АААААА**

Смысл такой политики старых империалистов в том, чтобы признать отклонения вариантом нормы, приспособить общество под них, оказать какую-то дополнительную помощь. Наркоманам дать бесплатную дозу (чтобы они не воровали), а кое-где и вовсе легализовать лёгкие наркотики; инвалидам дать коляски и сделать удобной городскую среду, а самих инвалидов переименовать в «людей с ограниченными возможностями», потом в «людей с особыми потребностями»; людей с психическими заболеваниями разной степени серьёзности назвать людьми с ментальными проблемами, а потом и вовсе нейроразнообразными — дать им психолога, который не устранил их проблемы, но сделает течение болезни плавным и хроническим; для людей с ожирением есть бодипозитив; для безвольных — антидостигаторство; для больных СПИДом — статус ВИЧ положительных (звучит так, как будто ВИЧ — что-то положительное). И вроде бы, весьма гуманная практика, реально облегчающая жизнь и моральное состояние всех этих граждан. Но в чём же проблема?**АААААА**

Проблема в том, что, обеспечивая комфорт для этих людей, такая политика делает болезнь вариантом нормы. Снимает психологический барьер для обывателя на попадание в эти категории. Что же плохого в том, чтобы стать ВИЧ положительным? Неужели нужно отказываться от сексуального разнообразия, чтобы не попасть в такую привлекательную по названию группу? ÂÂÂÂÂÂ

Не так уж страшно быть человеком «с ментальными проблемами», а тем более, «нейроразнообразным», так почему же нужно продолжать себя сдерживать? Одни люди говорят с невидимым собеседником и машут руками от того, что у них серьёзная болезнь, другие же от того, что им вовремя не пояснили, что нужно держать себя в рамках и вести себя нормально. Только вот, в случае, если психическая болезнь уже признана нормальной, что же может быть ненормального в том, чтобы здоровый человек махал руками и сам с собой говорил, идя, скажем, в магазин? ÂÂÂÂÂÂ

Зачем заставлять себя работать над телом, душой, социальным положением, если всё это – достижительство и социальный конструкт, морально обесценивающий человека? И планка нормального, успешного, если не хотите «успешного», то достойного человека, опускается всё ниже и ниже. ÂÂÂÂÂÂ

Несколько дней назад в свет вышла статья Марлена Инсарова «Даёшь эйблизм». Статья на смежную тему. Она рассказывает о том, как левое движение поражается идеологией толерантности ко всякого рода деградации и разложению. ÂÂÂÂÂÂ

Статью встретили как приветственно, так и враждебно. ÂÂÂÂÂÂ

В частности, одним из аргументов противников идей Инсарова была попытка играть на грани между реальной болезнью и вызывающим, непотребным поведением. Мол, конечно, дураков хватает, распоясавшихся людей хватает, но зачем же обижать реально больных?

Нужно, сказать, что Инсаров как раз не призывает игнорировать проблемы больных, наоборот, он призывает их лечить и создать условия для определённой социальной адаптации. В тоже время, он действительно призывает снизить уровень толерантности, прекратить игры в смену слов. ÂÂÂÂÂÂ

И в целом его подход - верный. Что же касается больных, которым признание наличия заболевания создаст не столь хороший психологический фон для адаптации, скажу, что интеграция больных в общество — важна, но поддержание морального здоровья общества — важнее! Лучше пусть физически и психически больные живут с осознанием своей проблемности, чем все остальные лица будут пребывать с иллюзиями, что жизнь без ноги или с испорченной печенью — вариант нормы, или, что неадекватное поведение — проявление их разнообразия. Лучше человек с психическим расстройством лишней раз осознает, что его положение тяжелее, чем у других, что его человеческое качество хуже, но зато человек с пограничным состоянием или распушенный индивид удержат себя в рамках, чтобы не подвергнуться осуждению. ÂÂÂÂÂÂ

Итак, нормализация болезни = легализация девиантного поведения.

Были слышны и софистические утверждения, что мол, конечно, однорукость — не норма, но, вот, однорукого человека ненормальным называть - неправильно. По-моему, такие утверждения - верх гуманистического пустословия. Однорукий человек, если он ещё не полностью отравлен либеральной идеологией, итак понимает, что он и его состояние (что, впрочем, одно и тоже) ÂÂÂÂÂÂ — ненормальны. Вообще, самая суть социал-либерального отношения к личности именно в том, чтобы оторвать личность от всех её проявлений, дефиниций, качеств. Человек может быть глупым, лживым, слабым,

злым, неразвитым, но ты обязан всё равно уважать саму личность, как бы отделив её от отрицательных качеств этой личности. На деле же личность – это и есть совокупность личностных качеств. Поэтому ненормальность однорукости – это то же самое, что ненормальность одноруких. И сами однорукие, конечно, понимают свою ненормальность, просто, банально потому, что жить им сложнее: у всех - две руки, у них — одна.

Но это вовсе не значит, что можно презирать их за физическое состояние.

Например, в школе, где работала моя бабушка, директором был однорукий ветеран. Все понимали, что его однорукость — ненормальна, что с физической точки зрения, он неполноценен, с недоверием смотрели, как он застёгивает пиджак, помогая себе зубами. Только при этом они добросовестно выполняли его распоряжения, уважали его организаторский талант, стойкость и чувство юмора.ÂÂÂÂÂÂ

В целом, на мой взгляд, в Советском Союзе отношение к болезням было довольно сбалансированным.ÂÂÂÂÂÂ С одной стороны, висели плакаты, что сунешь руку в станок — будет одноруким; будешь переходить пути ж/д в неполюженном месте — станешь одноногим; выпьешь метиловый спирт — превратишься в одноглазого слепого.

И каждый понимал, что в целом участь пожизненно тяжелообольного незавидная, что нужно стремиться сохранить здоровье, что есть явная граница.ÂÂÂÂÂÂ

С другой же стороны, существовала система интеграции инвалидов в общество. Были созданы общества различных типов инвалидов, построены дома слепых, глухих, интернаты и т. д. Были разработаны специальные программы по социализации ÂÂÂÂÂÂ и обучению даже слепоглухонемых. Существовали крупные предприятия, приспособленные для работы неполноценных людей. Оборудование, устройство рабочего места проектировалось так, чтобы слепые, глухие, умственно отсталые, люди без конечностей могли трудиться, принося пользу обществу, и через это эмансипируясь. Сейчас же, многие из спец.учреждений закрыты, многие предприятия разрушены...

А ведь именно возможность трудиться в обществе, а не характер словесного обозначения проблемы здоровья, в первую очередь определяют положение калек.

Некоторые не понимают, что такое моральный запрет на ущербность и убогость. Ответ очень простой. Если в обществе калек и людей с психическими заболеваниями признают проявлением разнообразия, то моральный запрет снят. Тогда можно не бояться подорвать психическое здоровье перенапряжением, наркотиками, распушенностью. Тогда можно творить, что угодно, и не сдерживаться, ожидая, что общество примет тебя и таким. Тогда можно даже не очень бояться стать калеккой. Например, перестать следить за своим здоровьем, ожиреть. Ведь никто же не имеет права осудить тебя за твоё особое здоровье?

Интересно, что указание на неприятие фриков и психов в трудовой среде задело некоторых социалистов. Некоторые даже усмотрели в этом потворство капитализму, который ценит лишь приносящих прибыль. ÂÂÂÂÂÂ Другие начали утверждать, что, де, это может быть и реакционной чертой масс, и нельзя бездумно это поддерживать.ÂÂÂÂÂÂ Хорошо, что, в целом, эти люди признают, что такая мораль среди трудящихся пока что господствует. Плохо, что они пытаются релятивизировать, обесценить важность этой морали.

Трудовая мораль в отношении неполноценных возникает вовсе не потому, что капиталу

нужны здоровые люди. Капиталу нужны всякие, например, чтобы сбывать лекарства, психологические услуги, ослабить болезнями трудящиеся классы. Такая мораль возникает потому, что всякий ответственный процесс, всякое серьёзное взаимодействие требуют взаимной надёжности. Это было, есть и будет до тех пор, пока целенаправленная коллективная деятельность господствует как тип поведения. Нельзя загонять оленей, охотиться на мамонтов, не будучи уверенным, что твои соплеменники будут действовать адекватно. Нельзя строить вместе оросительный канал, если кто-то вместо его углубления будет его зарывать. Нельзя строить дом, если ты не уверен в том, что тебе подадут именно тот кирпич, что правильно замешают раствор. Нельзя лезть в канализационный колодец, если ты не знаешь, примет ли меры твой напарник в случае ч.п. И т. д. Более того, нельзя заниматься наукой и проектированием, если ты не уверен в том, что твой коллега делает это адекватно и добросовестно. [^][^][^][^][^]

Конечно, причин дискommunikации во время труда может быть масса — это и низкая трудовая культура, и низкая квалификация, и безалаберность, но и психические расстройства, поведенческие расстройства, никто не отменял.

Тем товарищам, что имеют проблемы с психикой и обижаются на выражения Инсарова, следует осознать, что под «ебанашками» понимаются скорее не те, кто болен, а те, кто свои болезни и извращения (во всех смыслах слова) суют на показ и требуют их за это любить и уважать. [^][^][^][^][^]

«Ебанашка» — [^][^][^][^][^] не тот, кто болен, но в рамках возможного трудится и видит свои проблемы, старается минимизировать неудобства и вред для окружающих от своих расстройств. «Еебанашка» — тот, кто суёт свои расстройства окружающим в нос, и хочет видеть их радость и удовлетворение.

Инсаров, приводя положительные примеры судеб больных, в основном, указывал на геройские судьбы. Судьбы физических калек военных, революционеров и деятелей культуры. [^][^][^][^][^]

И эта односторонность - следствие преклонения Инсарова перед культом героизма, каких-то народнических тенденций и недостаточного внимания к трудящимся. [^][^][^][^][^]

А между тем, миллионы и миллионы советских, а теперь и российских трудящихся находят возможность жить и трудиться с инвалидностью. В 2017-м году в РФ работало около 2 млн. инвалидов, что составляет примерно 17% от общего числа инвалидов (12 млн.). Много это или мало? Каждый пятый – конечно мало, но если сравнивать с единицами инвалидов-героев, то это огромное число! Учитывая, сколько специализированных предприятий было попилено в «новой России», можно прийти к выводу, что в СССР было организовано куда лучше трудоустройство инвалидов. Их судьбы не так ярки, но умение знать свои ограничения и быть полезным для общества, возможно, не менее важно, чем поставить на кон свою покалеченную жизнь и стать героем. Кроме того, можно привести и примеры политических деятелей с психическими проблемами. Так, например, Абрахам Линкольн страдал депрессиями, принимал препараты с ртутью, из-за чего на него находили вспышки гнева. Это не считая многих писателей, которые страдали различными проблемами с психикой. [^][^][^][^][^]

В общем, возвращаясь к основной теме эссе, нужно сказать: для здоровья общества необходимо, видеть границу между нормой и ненормой, между здоровьем и болезнью, в противном случае, индивиды не будут мотивированы поддерживать здоровье (если они не будут знать, где оно), а коммуникации будут осложнены или вовсе разрушены, ввиду разного представления о нормальности в разных средах.

Однако либеральная идеология и индивидуализм не позволяют увидеть обществу проблемы. Как можно посчитать число инвалидов, когда никаких инвалидов нет, а есть люди с особыми потребностями? Как сосчитать число умственно отсталых, если их нет, а есть люди с особенностями ментального развития? И даже если под каким-то названием статистика учитывает этих людей, то как в массовом сознании возникнет тревога на этот счёт, если ты не можешь обсуждать других, задавать «обесценивающие» вопросы? Как ты будешь переживать из-за большого числа уродов, если «все мы разные, все мы равные», или даже «кто ты такой, чтобы лезть в чужую жизнь»? Жизнь каждого человека уникальна и равноценна, и собственно индивид — высшая ценность, так что даже не думай об отклонениях других. Это - вовсе не отклонения, а вариант нормы, или на худой конец, не касающиеся тебя отличия.ÂÂÂÂÂÂ

Такая идеология, при наличии средств (полученных, ÂÂÂÂÂÂ прежде всего от ограбления угнетённых народов), позволяет сделать глубинные проблемы невидимыми. Позволить обществу умирать и вырождаться с комфортом.

Что есть по сути «комфорт»? Это состояние, когда тело и сознание не раздражены какими-то внешними или внутренними факторами. Не раздражены и пребывают в удовлетворенности физиологических потребностей. Капитализм вполне научился обеспечивать человеку комфорт по умеренной цене. Для этого придумана масса суррогатов.ÂÂÂÂÂÂ Суррогатизация – довольно давняя политика буржуазии. Она победила голод, дав маргарин, пальмовое масло и сою вместо масла, сыра и мяса. Стремление к красивой жизни она притупила красивой картинкой на ТВ. Порнография сгладила проблемы нехватки секса (сгладила и обострила одновременно). Люди оделись в дешёвый и некачественный козам и синтетику.ÂÂÂÂÂÂ

Всё это шаги к стагнации, когда действительная жизнь подменяется имитацией, а раздражители, могущие побудить человека к переменам и действительной жизни, прячутся, замазываются слоем дурмана.ÂÂÂÂÂÂ

Верхом этого искусства, конечно, становится «паллиативная медицина», которая призвана обмануть как органы чувств, так и общественное мнение. Но она не просто верх, она и качественно новое явление. Суррогатизация была политикой поддержания жизни, пусть убогой, наполовину ложной, но жизни. Паллиативность же ориентация на спокойную и комфортную смерть. Суррогатизация ложно удовлетворяет потребности, паллиативность ложно скрывает проблемы, болезни, разложение и гниение общества.

Причём, следует говорить о паллиативности, как об идеологии либерализма и социал-либерализма. Эта идеология, возводя на пьедестал нестрадание отдельной личности, напрочь забывает о необходимости существования общности и даже самой этой личности!

При всём уважении к Украине, это мировоззрение проникло и туда. Где-то полгода назад все новостные сайты трубили о перспективах и достижениях в области детской паллиативной медицины. Но, что это такое? Это развитие учреждений, где дети должны умирать менее болезненно (а в идеале безболезненно, со смайликом на лице)! Т.е. вводятся семейные доктора, число специалистов сокращается, отделения сокращаются, но зато хосписы открываются!ÂÂÂÂÂÂ

Как здорово!? Вы не находите? Вместо того, чтобы потратить эти деньги на лечение, на разработку методов лечения и спасение хотя бы нескольких сотен детей, их направят на то, чтобы сыновья и дочери умирали спокойней.ÂÂÂÂÂÂ

По сути, Запад именно этим и занимается для своего населения. Он обеспечивает условия для спокойного вырождения и вымирания. Вместо морали верности и чистоты – «защищённый секс». А секс без отчуждающей резинки – это уже «незащищённый», «небезопасный секс». Конечно, он не безопасен для правящих классов, поскольку требует такого уровня солидарности, когда люди готовы к совместной судьбе и готовы быть общностью, а не простой суммой индивидов. Но господствующим силам удобно наблюдать вырождение.

Почему? Почему такова политика правящих классов и смыкающихся с ними в этом как леваков, так и либералов? С одной стороны, не все процессы подвластны и интересны правящим классам. Абстрактный гуманизм и идея одинаковости продолжают протирать себе дорогу как длительное последствие Великой Французской Революции (когда в условиях восходящего капитализма, они были прогрессивны). Леваки сейчас, в условиях упадка и загнивания капитализма, стали носителями этого абстрактного гуманизма, и с 68 года абстрактный гуманизм конституировался как левый мейнстрим. Также и само общество, всё более фрагментируемое, ввиду атомизации и сокращения материального производства, релятивизирует мораль и, как следствие, требует признать всё вариантом нормы. Бороться с этими тенденциями для буржуазии было бы возможно, но слишком затратно. С другой стороны, не так эти тенденции для империалистической буржуазии и страшны.

Общество, лишённое представлений о норме, куда более податливо и конформно.

Сегодня ты подаёшь одну моду и одну интерпретацию, а завтра тебе это стало неудобно, и подаёшь другую, а поскольку нормы нет, и постмодернистское сознание плохо запоминает, то новая мода легко принимается.

Фрагментированное общество с разными моральными нормами куда безопаснее, в рамках такого общества сложно построить идеологию, претендующую на гегемонию, универсальной идеологией могут быть только деньги.

Физически больное общество больше зависимо от социальных программ, господдержки и обеспечения.

Ну, и наконец, в здоровом обществе функция размножения также должна реализовываться активнее. А размножение не очень удобно в империалистических странах. Поскольку там существует в значительной мере социальное государство, нужно вложить большие средства в воспитание и взросление, тогда как куда дешевле «найти рабочую силу на рынке», мировом рынке. Дешевле пустить беженцев из относительно культурных, но эксплуатируемых, бедных, разбитых войной стран, чем пестовать лет 25 своих зажавшихся оболтусов. Кроме того, дети потребляют, прежде всего, продукцию, не являющуюся основной для старых империалистов. Детям нужно питание, одежда, жильё. Всё это производят и новые империалисты и угнетённые нации. А старым империалистам нужно поддерживать внутренний рынок для потребления своих высокотехнологичных игрушек, чтобы держать на плаву свои корпорации. Поэтому куда выгоднее, чтобы семьи тратили бабки на смену айфонов и машин, нежели на воспитание детей, а рабочую силу можно и завести. Поэтому, собственно, здоровые как физически так и психически люди, в общем-то, не очень-то и нужны правящим классам.

А раз нет нужды в размножении, то и положительное отношения к миллиону гендеров на фоне общих процессов и тенденций выглядит как детская шалость. Ну, раз вот есть люди, которые себя считают тем-то и тем-то, значит, будем их тоже любить, уважать и

не обижать. А то, что это подрывает положительный стереотип об отношениях между мужчиной и женщиной, ведёт к дальнейшему размыванию системы воспроизводства — на это плевать.

По сути, Запад — это мир победившего оппортунизма. И уже даже не оппортунизма, а буржуазного социализма, но начиналось всё с оппортунизма. Начиналось всё с того, чтобы предать интересы будущего развития, ради сегодняшних выгод. Шло оттуда, что лучше сегодня спокойно сидеть в парламенте, чем идти на улицу, в тюрьму, чтобы завтра (а будет оно?) взять власть. Возникло это, конечно, не просто так, а потому, что часть трудящихся получала свой процент от положения старых империалистов. И вот, тут всякие потрясения, а скажите, после революции я смогу взять в кредит автомобиль, дом, айфон? Не знаете? Ну, так, а что же зовёте?ÂÂÂÂÂÂ

Эта выродившаяся обуржуазившаяся социал-демократия, а в США демократия и либерализм предлагают людям жить-поживать и о будущем не переживать, потому что кривая капиталистического развития куда-нибудь, да вывезет. А пока будем замазывать трещины общественного здания деньгами от эксплуатации других народов, аки штукатуркой.

Кстати, говорят, очень хорошо делать побольше прививок. Тогда зараза не пристаёт (Или меньше пристаёт? Или пристаёт также, ведь надо не привитых детей не пускать в школу, чтобы привитых там не заразить? Читай об Одессе - <https://www.obozrevatel.com/health/diseases/v-odesse-detyam-zapretili-poseschat-shkolyi-bez-privivok.htm>). В общем, прививки — это хорошо, так сказал врач и попросил подписать документ, что вся ответственность за последствия на тебе, а не на нём.ÂÂÂÂÂÂ
Прививки — дешёвый способ уменьшить опасность возникновения эпидемий. Каковы его побочные эффекты? В редких острых случаях, которые только и интересуют министерства и производителей — паралич, аутизм, глухота, слепота и т. д. Но это — в редких случаях, «один на миллион»! А вот как влияют прививки на массового потребителя? Это не интересно. Зачем знать, как сказывается на развитии организма постоянное перебалливание в первые годы жизни, когда все системы только формируются. Зачем знать, как развивается организм, думающий, что он переболел всеми тяжелейшими болезнями и чудом выжил? Зачем знать, как влияют в долгосрочной перспективе консерванты из нейротоксинов, материалы, усиливающие иммунный ответ, и, например, сам иммунный ответ, скажем, энцефалический. Совсем не нужно изучать связь прививок и рост числа аутоиммунных заболеваний.

Прививки — простое дешёвое решение на один день, которое ведёт неизвестно к чему (есть основания полагать, что к чему-то не очень хорошему). И никому не нужно знать и думать не нужно, как скажется на перспективах. Это тоже проявление паллиативной идеологии, сегодня мы защитимся от эпидемий, а завтра, что будет завтра — не так уж и важно.

Политический оппортунизм, он тоже как паллиативность... вместо работы на революционную борьбу завтра, лучше мы пойдём сегодня по более лёгкому, более простому пути.

И хотя мы, коммунисты, безусловно, боремся с отчуждением, стремимся к его преодолению, но в современных условиях без него невозможно построить общество, с какой-то обнадеживающей будущностью.ÂÂÂÂÂÂ

Комфорт и покой — это не то, что ведёт к новому обществу. Не тихая и мирная смерть, а буйная жизнь, полная противоречий, дискомфорта, горя и радости, боли и удовольствий — путь вперёд.ÂÂÂÂÂÂ

Нужно страдать сегодня, чтобы завтра увидеть лучший мир. Нужно пожертвовать покоем, комфортом, чтобы материя продолжала самосовершенствование.ÂÂÂÂÂÂ

Нужно идти на конфронтацию и из парламента на улицу, чтобы завтра из улицы ворваться в парламент и здания правительства.

Нужно сегодня запретить мутагенные технологии (трудиться тяжелее), чтобы завтра иметь здоровых детей. Нужно сегодня осуждать извращения, чтобы завтра иметь расширенное воспроизводство. Нужно умирать, страдая, чтобы у живых было больше шансов. Нужно жить с осознанием своих заболеваний, чтобы другие видели, где здоровье, а где болезнь.

Нужно сегодня лезть в чужую жизнь, давать лезть в твою, даже если это неприятно и болезненно, чтобы общество завтра могло хотя бы увидеть проблемы.

Нужно сейчас выступить против леволиберальной идеологии хосписа, которая обещает лёгкую и спокойную жизнь для индивида в обмен на распыление общества. Да, другие — это, зачастую, ад, да, больно, когда общество признаёт тебя в каком-то отношении ненормальным и требует либо исправления, либо самоконтроля, тяжело видеть, как страдают от этого люди, но только так общество может поддерживать здоровье культуры и здоровье крови. Всё остальное, все остальные пути примирения и сожительства со слабостями — это пути паллиативной медицины, когда детям колют обезболивающие и дают красивые картинки, а те медленно умирают.

Нам не нужно обезболивающее и картинки, нам нужно чувствовать и видеть жизнь такой, как она есть, чтобы иметь хотя бы шанс что-то поменять!